

ТАЛЬЯНА ОРЛОВА

СТРАТЕГИЯ ОБОРОТНЯ:

КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Тальяна Орлова
Стратегия оборотня.
Космическая академия
Серия «Стратегия оборотня», книга 1

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42653115
SelfPub;

Аннотация

Она бесстрашна и умна. Он – враг всего, что ей знакомо... Даю делаю соучастницей преступления. А во снах ее преследует образ – слишком идеальный, чтобы быть реальным. Разве могло обойтись без протестантов – главной угрозы обществу? Первая книга дилогии "Стратегия оборотня". При создании обложки использовано изображение с сайта shutterstock

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Тальяна Орлова

Стратегия оборотня.

Космическая академия

*Порядок – основа существования. Человечество
не сможет бороться с внешним врагом, не обеспечив
соблюдение внутренних правил.*

Глава 1

Сны выводили из себя. Кажется, до недавнего времени я вообще снов не видела – ни приятных, ни кошмарных, а теперь прямо лавиной обрушились. Почти каждую ночь, начиная с позапрошлой недели. Вначале я почти сразу просыпалась, но потом все равно долго не могла уснуть. Первый сон вообще толком не запомнился: вокруг белесая муть, никаких предметов или людей, лишь ощущение: Он стоит за моей спиной. Мне не страшно, наоборот – спокойно и хорошо. Он стоит за моей спиной, а это значит, что мне ничего не грозит, я сильна, неуязвима, я практически бессмертна. Ему достаточно быть там, совсем рядом, чтобы подарить мне это ощущение. Осталось только обернуться и посмотреть на Него. В первый раз я проснулась, едва только подумала об этом.

Но, похоже, психика способна адаптироваться. Во второй раз я вынырнула из сна чуть позже, и так время увеличивалось с каждым новым сновидением. Теперь я знала Его лицо, успела услышать голос, даже начала привыкать. Но все равно рано или поздно просыпалась, а потом долго не могла прийти в себя.

Триш предположила, что это от гормонов. Мол, сновидения с сексуальным подтекстом случаются с каждым. Она даже не подшучивала, чем окончательно убедила меня в нормальности происходящего. Потому я психовала только из-

за того, что не могу выспаться. Однако надо отдать должное подсознанию – оно потрясло воображение и будто действовало вразрез с моими же установками. Почему у Него такие белые волосы, если я всегда предпочитала брюнетов? А у этого – неестественно светлые, будто крашенные или седые. Лицо симпатичное и правильное, но я много красивых лиц видела – выходил некий собирательный образ. Возможно, я этот прототип заметила в каком-нибудь новомодном фильме со всеми эффектами, создающими ощущение полного погружения. Вспомнить точно не могла, но это было лучшим объяснением, чем то, что мое подсознание из обрывков собрало именно такой облик воедино.

И, конечно, глаза. В его внешности, кроме ненормальной белизны волос, непременно должен был присутствовать изъян. Как будто именно он и завершал весь образ своей фантастической дисгармонией. На янтарных, с коричневыми крапинками, радужках зиял вертикальный зрачок, но он не вызывал ассоциации с кошками. Я почти неделю мучилась и не могла объяснить Триш, что не так с его глазами. А потом наткнулась в учебнике по древней зоологии на фотографию пресмыкающегося, которое называлось «крокодилом». Я от ужаса даже вскрикнула – один-в-один! Но Триш лишь рассмеелась и хлопнула меня по плечу. Да какая разница, какие именно глаза у моего несуществующего приятеля? И ведь правда... Все остальное в нем меня полностью устраивало, за исключением его вымышленности. Когда я погружалась

в сон, то забывала об оценке, анализе, всем этим заняться можно и позже, когда после буду мучиться от обязательной бессонницы. Что, впрочем, еженощно и происходило.

Сны выводили из себя, но сегодняшний просто выбил почву из-под ног. Я, как и всегда до сих пор, была обнажена. Он тоже. Плод моего подсознания уже часто касался меня – к этому я привыкла, но теперь в его движениях что-то изменилось.

– Я так сильно хочу к тебе, Дая.

Он всегда называл меня по имени. Во сне я не умела ни напрягаться, ни сопротивляться. Особенно потому, что буквально все в Нем очаровывало – ровно до тех пор, пока не проснусь. Более того, теперь я уже знала, что скоро меня вышвырнет. Сразу, как только я почувствую первые признаки желания. Но нынешний сон затянулся. И только лишь по этой причине – от страха, что все вот-вот прекратится – я сосредоточилась на мыслях, а не ощущениях, и сумела спросить:

– Как тебя зовут?

Глаза крокодила. Они могут не вызывать шока только во сне. Внимательные, застывшие. С коричневыми пятнами на янтарной радужке.

– Разве ты не знаешь мое имя?

Подумала и ответила неуверенно:

– Я... забыла.

– Вспоминай.

Улыбка. Белозубая, открытая. Смущающая. Он никогда не целовал меня в губы, но часто касался щеки, шеи. И сейчас сразу опустил голову, прижимаясь ртом к моему плечу. Не как обычно, сегодня что-то изменилось. Я ощутила прикосновение к коже его языка, невольно выдала короткий стон – просто резкий выдох. Неважно, что именно происходит, если инициатором выступает Он. Безупречный. Хотелось бы никогда не просыпаться. Или хотя бы до того момента, когда я наконец-то смогу прижаться к Нему, застыть ненадолго, очнуться, а затем спросить обо всем, что мне так хочется о Нем узнать.

– Я тоже хочу к тебе, – призналась простодушно, не видя смысла что-то скрывать от собственного же подсознания.

– Но не помнишь моего имени? – Усмешка, но не злая – заинтересованная. – Как меня зовут, Дая?

Вместо ответа я обвила руками его шею. От Его страсти мое тело раскачивалось, распалось, эмоции перекрывали рассудок. И, конечно, когда желание затопило все нутро, я мгновенно проснулась.

Вытерла испарину со лба и сразу села. Триш мирно посапывала на соседней кровати. Я встала и подошла к тумбе, чтобы выпить воды. Сейчас все равно сразу не усну. Никогда не получалось. Само томление отпускало не так быстро, как раньше. Но раньше мы никогда до такой стадии и не заходили. Раздери меня дерьяк, почему я не потрогала Его волосы? Снова забыла. А мне до дрожи в пальцах хотелось коснуться

Его волос – не длинных, но и не слишком коротких. Иногда небрежно падающих на лоб. Они выглядели такими мягкими, что мне уже физически было необходимо убедиться в этом. В общем-то, только эта мысль во мне и оставалась после окончания таких сновидений, а остальное – вот это напряжение между нами, иррациональная тяга к иллюзии подсознания – отступали за считанные минуты. Теперь я уже могла с отвращением содрогнуться, вспомнив жуткие глаза крокодила.

Ничего удивительного, что на занятиях я чувствовала себя разбитой. Все две недели, как это началось, а сегодня вообще глаза слипались. Триш, выслушав мой рассказ, заявила с видом эксперта: «Твоя проблема решается просто – заведи себе парня. И если после этого голод не уляжется, вот тогда придется... заводить себе много парней, пока не угомонишься». Она звонко расхохоталась, не позволив мне даже возразить.

К сожалению, первой парой еще и стояла теория атаки, где приходится сидеть практически неподвижно. Была бы практика или хотя бы экспериментальное диагностирование, то учащиеся двигались бы туда-сюда, а если тело не спит, то и у мозга выбора нет.

– Курсант Джисс!

Я мигом подскочила и вытянулась по струнке.

– Да, сэр!

– Вам настолько скучно, что вы позволяете себе спать на

лекции?

Всего на секунду глаза прикрыла! Но внимательный гад заметил.

– Нет, сэр!

Профессор был немолод – уже за двести, но сноровку не потерял, и характер его не смягчился. Он улавливал буквально все, что происходило в аудитории. И уж конечно, промахи не прощал. По елейному тону стало понятно, что он намеревается три шкуры с меня спустить:

– Тогда, курсант Джисс, будьте любезны – расскажите нам о первых способах защиты при групповом нападении берсерков. Всем, – он неопределенно махнул рукой, – очень интересно послушать вашу интерпретацию лекции.

На подсказки рассчитывать не приходилось – никто не станет рисковать так сильно. Дело не в дружеской поддержке, а в том, что облажалась именно я – мне и платить. Незачем тянуть за собой еще кого-то.

Я сосредоточенно соображала. Берсерки – один из видов оборотней, очень агрессивные. Считаются крайней правой веткой мутации. В принципе, я неплохо знала предмет. Еще тысячу лет назад никто и не слышал про оборотней. Точнее, они фигурировали в легендах, но в здравом уме люди не верили в их существование. Зато из тех самых сказок ученые и черпали термины – зачем изобретать новые слова, если древние люди уже придумали очень похожие определения? Во время войны с дерьяками человечество рисковало понести

поражение, но, благодаря патриотизму, отваге, сплоченности и блестящим идеям, мы победили, и теперь гнусные захватчики отринуты на другой конец галактики и обречены еще десять тысяч лет зализывать раны. Ну, те кто выжил; погибшие уже ничего не зализывают.

Одной из важнейших основ нашей победы стало генное улучшение солдат. До сих пор на уроках истории иногда наворачиваются слезы, когда профессор рассказывает о героизме воинов – тех, которые позволяли ампутировать себе конечности и присоединять к нервным окончаниям кибернетические механизмы. Первые образцы даже не прошли проверку, но люди шли на этот риск, потому что за их спинами оставалось все человечество. У них не было права на страх или отступление, они позволяли уродовать себя, иногда обрекать на мучительную смерть, чтобы получить с некой долей вероятности возможность выстоять против вооруженного дерьяка. Эти первопроходцы и стали теми, кто изменил ход войны, хотя жертвы среди них были неисчислимы.

Однако на первом этапе эксперименты не прекратились. Ученые тоже работали без сна и отдыха – механизмы совершенствовались почти ежедневно. Чуть позже апгрейд проходил с меньшими рисками и возросшей эффективностью. Конечно, параллельно проводились и генные опыты. И выяснилось, что кровь наших врагов при переливании в незначительных дозах создает мощный эффект – менялись органы, иммунитет, выносливость человека. На самую трансфор-

мацию требовалось время, но зато результаты превзошли все ожидания. Тогда и были созданы первые оборотни – земляне с измененной ДНК. На их счету и полная победа над дерьяками. Пока флот вычищал все звездное пространство вокруг наших планет, оборотни уничтожали вражеские отряды на поверхности. Этим мужчинам и женщинам в ближнем бою не было равных. Героям слава! О чем их потомки не забудут никогда, но...

Но когда конфликт был улажен, а других угроз не обнаружилось, то ветеранам стало не так-то просто влиться в социум. Если солдаты с протезами тут же получили огромные пенсии или должности – на контроле границ или в полиции, поскольку у них только руки и ноги стали железными, а мозги оставались вполне себе человеческими, то с оборотнями ситуация оказалась куда более проблематичной. Они уже не были людьми в полном смысле этого слова, даже родня вернувшихся не могла найти с ними общий язык. Они только выглядели привычно, но их сознание являло собой смесь хомо сапиенс и дерьяков. Например, берсерки – беспощадные и жестокие, совсем как недавние враги. Гора мышц и сто двадцать килограммов чистой злости. Да и другие виды оборотней оказались ненамного лучше. А дети наследовали и их способности, и их нечеловеческое мышление. Потомки первых оборотней иногда продолжали мутировать, но все же в рамках своего вида – а вид они наследовали только от одного родителя. Какое везение для эволюции! Ярость берсерка,

перемешанная с хитростью перевертыша или склонностью к извращениям ракшаса – это было бы совсем за гранью.

Поначалу местные терпели все их закидоны, памятуя о недавних подвигах. Но чем дальше отдалялась в прошлое победа, тем больше бросались в глаза преступления оборотней. Уже лет через двести после окончательного поражения дерьяков на последней освобожденной планете оборотни стали нежеланными гостями в мирных городах. Со временем и правительство было вынуждено отреагировать на бесконечные жалобы и осознанно пойти на дискриминацию. Теперь оборотни могли получить легальный статус, но притом стали обязаны постоянно находиться под контролем и согласиться на вживление подкожного чипа. За все эти «благости» они могли хотя бы получить работу – в охране, в полиции, службе спасения, где до сих пор высоко ценились их навыки. Но все, кто отказался – а их очень много – вынуждены добывать пропитание самостоятельно. И, конечно, в голову в первую очередь приходили криминальные методы. Берсерков нанимала мафия для кровавых разборок, перевертыши торговали наркотиками или промышляли мошенничеством, сару захватывали приграничные планеты и грабили космические корабли, ракшасы развернули индустрию секс-услуг до небывалых масштабов – они чаще всего и обвинялись в похищении людей. Победив одну угрозу, человечество создало себе новую – и с ней пока невозможно справиться.

О всеобщем отношении к мутировавшим расам говорило

и то, что на первом курсе военно-полицейской академии из тысячи набранных курсантов числилось всего два оборотня. Один учился в моей группе – Одир Вейр. Легальный в четвертом поколении ракшас, ни один из предков которого не был замешан ни в одном скандальном расследовании, он все равно оставался изгоем. Вероятно, немаловажную роль играла и зависть: ведь на тренировках никто и близко с ним сравниться не мог. Преподаватели же относились к нему, как к прочим учащимся, щедро выставляя высшие баллы за все практические дисциплины. Судя по всему, Одир после окончания получит и лучшее распределение – только потому, что над его предками поизмывались ученые! Нам, простым людям, было непросто принять такую данность как неоспоримую.

– Мне долго ждать ответа, курсант Джисс? – нервно напомнил о своем вопросе профессор.

Я заставила себя приподнять подбородок и отчеканила:

– Берсерки не нападают группами, сэр! Они индивидуалисты.

– Неплохо, – вынужден был признать учитель, но не позволил мне насладиться похвалой: – Да вот только пока вы изволили почивать, я как раз и сообщал группе, что такие случаи бывают, хоть и в качестве исключений. И если вы, курсант Джисс, станете свидетелем подобного исключения, то пополните ряды жертв. Я уж молчу о том, что никакой помощи населению не окажете. У вас пробел в образовании,

курсант. Пробел, который будет стоять людям жизни.

Как же он любил преувеличивать! Но от меня требовались не споры, а полное признание своей никчемности, о чем я и сообщила:

– Виновата, сэр! В ближайшее время я заполню этот пробел, сэр!

– Заполните, заполните. – Профессор не мог успокоиться, если учащийся после подобного не почувствует себя облитым помоями. – Да вот только это сигнал, курсант! Что вам блестящая карьера не особенно нужна. Что вас, с такой халатностью, лучше по распределению отправить туда, где люди вообще не живут – там от вас вреда хотя бы меньше будет. Не думали о том, что вам еще не поздно забрать документы и попытаться выучиться... ну хотя бы на уборщицу улиц?

– Никак нет, сэр!

– Жаль.

Иногда надо прикусить язык – всем известно. Но у меня что-то перемкнуло:

– Не знала, что на уборщицу улиц надо учиться, сэр!

Триш и еще пара студентов тихо хохотнули – безбашенные идиоты. Профессор соизволил махнуть рукой, разрешая мне занять место. Я сразу глянула на встроенное в парту табло. Минус четырнадцать баллов. И сразу следом – минус восемь. Первое – за незнание материала, второе – за поведение. Дерьяк меня дери, теперь отличную оценку в конце триместра я вряд ли получу. Перевела взгляд влево. На табло

Триш красным цветом светилось «минус два». А что поделать? Курсант обязан знать, когда можно хихикать, а когда лучше воздержаться.

Глава 2

Настроение у подруги не испортилось. Она и за обедом щебетала, что мой гормональный передоз надо срочно устранять. Желательно с помощью симпатичного старшекурсника, конечно. А можно пойти ва-банк и напрямую обратиться с нижайшей просьбой к Эрку. Вообще-то, обычно Триш не отличалась такой ироничностью, но сегодня ее отчаянно несло. Хоть она и прикрывала все искренней заботой обо мне. Но последний ход был явным злорадством, не приукрасишь. Ей ли не знать, что я теряюсь, когда в одном предложении звучит «Эрк» и «нижайший»? Или «обратиться». Да какое угодно слово вместе с его именем выбивало меня из колеи!

История эта началась еще до обучения. Мы с Триш прилетели в Неополис, столицу всей Системы, из сравнительно небольшого города, тоже расположенного на Земле Первой, чтобы попытать удачу. И уже тогда договорились, что или поступаем в академию вместе, или вместе пытаем удачу где-нибудь еще. Население столицы приближалось к миллиарду, и для нас, после двухмиллионного провинциального городка, это было слишком непривычно. Мы и раньше дружили, а уж в подобном муравейнике вцепились друг в друга, словно были родными сестрами. И хоть раньше мы иногда ссорились, но здесь уже никогда не позволяли мелким стычкам вырасти в серьезный конфликт. Ближе все равно никого не

было.

Военно-полицейская академия номер один по праву считалась одним из самых элитных учебных заведений Системы Освоенных Территорий. Ее выпускников обычно ждала выдающаяся карьера – сначала по распределению, а потом по заслугам. Но мало кто из поступивших мог продержаться все восемь курсов. Принимали-то совсем детей – двадцатилетними. Конечно, в процессе кто-то и сам понимал, что выбрал не ту стезю, кто-то сдавался после четвертого курса – когда начиналась практика в местной полиции, а кого-то отчисляли, если не справлялись с нагрузкой. Но мы с Триш уже несколько лет бредили этой мечтой, потому и решили рискнуть.

Я-то из нашей общей гимназии везла и аттестат с отличными баллами, и грамоты со спортивных соревнований, и рекомендации от директора и преподавателей. Но у Триш ситуация была заметно хуже. И когда она справилась с экзаменами, счастьем нашему не было предела. Мы вместе, как и планировали, стали курсантами. Сами приемные испытания заключались в десятках зачетов, физических, медицинских проверок и обязательного теста на профпригодность. Во время этих многодневных мучений профессорам и врачам помогали шестикурсники, одним из которых и был Эрк. Возможно, только благодаря ему Триш справилась блестяще – видя ее волнение, курсант Кири подкинул пару полезных советов для заключительного и самого важного теста:

– Они будут кричать на тебя. Возможно, бить. А ты расслабься. Вот просто отпусти себя и притворись, что ты уже померла. Труп у ведь все равно, что с ним делают. И хороший солдат должен уметь держать себя в руках – в этом и есть первая проверка на пригодность к профессии. А, ну если будут спрашивать, то оживай и отвечай. Как будто ты уже не труп.

Совет, полученный от Эрка, вроде бы и не содержал ничего особенно ценного, но зато создал у Триш особый настрой. А я же глаз от него отвести не могла – с самой первой минуты знакомства. И когда он наклонялся, чтобы наклеить на мой лоб индикаторы, и когда улыбался, подбадривая – тогда уже первая влюбленность могла только крепнуть. Потрясающе красивый: брюнет с темно-зелеными глазами, высокий, стройный, но даже под униформой было заметно его восхитительное тело. Голос притом всегда спокойный и мягкий. И самое главное – на рукаве желтая нашивка. Это означало, что Эрк награжден за какую-то операцию. И пусть у курсантов нередко после начала практики появлялись такие нашивки, но именно его отметка сводила меня с ума.

Увидев списки зачисленных абитуриентов, я от радости обезумела. И тогда решила – какой же из меня выйдет профессионал, если кишка тонка подойти и признаться в своих чувствах? Ну, я и призналась. Вот просто взяла Эрка за руку, отвела в сторону и решительно заявила:

– Ты мне очень нравишься!

А парень посмотрел на меня странно – вот впервые так посмотрел: вроде бы без раздражения, но с полным недоумением, улыбнулся натянуто и заявил:

– У меня есть девушка. Если ты мое внимание расценила как романтическую симпатию, то приношу за это свои извинения.

И поспешил скрыться. Я его даже на торжественном собрании не увидела. Моя самооценка летела в пропасть. Нет у него никакой девушки! Это я знала точно – мы с Триш предварительно развели этот вопрос. Кто-то называл красавчика Эрка бабником, кто-то клеймил гада Эрка равнодушным циником, кто-то подозревал, что он вообще в постели разбора не знает – ни пол, ни даже вид ему не преграда, но все сходились в одном: постоянной девушки у него нет и никогда не было. Он меня просто отшил, не придумав ничего более вразумительного.

Посчитал малолеткой? Так бы и сказал! Хотя пять лет – вообще не разница в возрасте. Просто не понравилась? Я считала себя довольной симпатичной – многие парни из гимназии за мной увивались, да и взгляды на себе я ловила вполне определенного толка. Конечно, вкусы у всех разные, но вряд ли кто-то назвал бы меня уродиной: каштановые, немного выющиеся волосы, большие глаза, хорошая фигура. Я всегда гордилась тем, что унаследовала мамину внешность – а она даже сейчас, когда ей за восемьдесят, от женихов отбиться не может. Представляю, что было лет двадцать назад,

до того, как она родила меня. Однако после такого резкого отказа я ничего с собой поделать не могла – доселе неведомые комплексы упали на плечи и давили, давили, давили. А может, ему Триш понравилась – худенькая голубоглазая блондинка. Многие мужчины предпочитают хрупких девушек. Об этом тоже лучше сообщил бы прямо! А то оставил меня со своими ненужными объяснениями, чтобы я перемалывала в уме, все сильнее понижая самооценку.

С тех пор я Эрка Кири избегала. В коридоре сворачивала, на общих тренировках уходила в другой конец зала, в тренажерке сначала оглядывала всех присутствующих и заходила, только убедившись, что его нет. Моей психике это очень было нужно: забыть о позоре. Моя влюбленность обернулась толстым слоем ненависти, и так жить было проще. Почти весь учебный год у меня все прекрасно получалось! Вот, правда, Триш зачем-то напомнила. Я скривила мину и буркнула:

– Забудь про Эрка. Его не существует.

Она было рассмеялась, но отвлеклась на шум. Я тоже посмотрела в противоположную сторону огромной столовой.

– Одира опять достают, – обозначила подруга, будто была диктором на новостном канале, вынужденном словами проговаривать очевидное.

И раз от сонливости спасает движение, этим методом дотянуть до вечера я решила воспользоваться. Мы уже закончили с обедом, поэтому я уверенно встала. Направилась к

шумной группе. Один из задир орал громче остальных:

– Чего расселся, ракшас? Здесь место людей, а не нежити!

Я подлетела сбоку, рванула идиота за волосы назад и пнула под колени. Он с шипением упал. Триш тоже уже была рядом – она просто встала перед одnogруппником-оборотнем, будто пыталась прикрыть собой. Но это ощущение было ложным – не его мы спасали, а этих бездарей. Ракшас, если все же выйдет из себя, без труда сложит в аккуратную кучу их всех. А когда кураторы опросят свидетелей, то выяснят, кто был зачинщиком, и тем достанется повторно. Подобную тупость ничем, кроме переизбытка тестостерона, объяснить невозможно.

– Кому еще не нравится курсант Вейр? – наконец-то дав волю накопившемуся раздражению, я истошно вопила. – Вы спятили?

Ну а идиот с тем же задором орал на меня, обзывая шлюхой для оборотней и постельной игрушкой извращенца. Учеба у нас напряженная, иногда надо хоть так выплеснуть эмоции и обменяться парой ударов.

– Тс-с, куратор, – раздалось короткое предупреждение со стороны.

Я моментально отпустила хват и выпрямилась. Мой придурочный соперник тоже застыл, вытягивая руки по швам уже на развороте.

– Что здесь происходит? – грозно спросил подошедший мужчина.

Этот куратор был суровым мужиком – бывший полицейский, получивший лет тридцать назад серьезную травму, которую не удалось устранить полностью. Нашивки на его рукаве впечатляли. Теперь он уже не мог участвовать в операциях, но неплохо справлялся и с нынешней должностью. По меньшей мере, нас трястись заставлял похлеще, чем когда-то преступников.

– Ничего не происходит, сэр! – отчеканила Триш.

– Разговариваем с девушками, сэр! – подхватил и мой идиот.

– Врете? – куратор прищурился.

– Никак нет, сэр! – сразу несколько голосов, в том числе и мой.

Он двинул одним плечом и ушел, слегка прихрамывая. Компания мгновенно рассосалась в разных направлениях. Мы с Триш повернулись к одnogруппнику – Вейр по-прежнему сидел за столом и даже позы не изменил.

– Вы серьезно считали, что мне нужна помощь?

Подруга ответила за нас обеих – она всегда отличалась большей дипломатичностью:

– Нет, Одир. Но мы учимся в одной группе. Кем бы мы были, если бы не отреагировали?

Объяснение прозвучало исчерпывающе. Каждый живущий знал, что сплоченность – основа стабильности. А уж курсантам нашей академии чувство единства прививали особенно тщательно. Оборотень бегло улыбнулся и вернулся к

своему обеду.

Мы с Триш вышли из столовой и направились на улицу. Еще достаточно времени до следующего занятия, чтобы успеть подышать свежим воздухом. Неожиданно подруга удивила странным предложением:

– А давай в следующий раз сядем с ним за один стол? Почему ему приходится всегда быть в одиночестве?

– Ты знаешь почему, – легко ответила я, поскольку как раз эта тема не требовала сложных измышлений.

Подруга не унималась:

– Разве это справедливо? Да, он оборотень. Но ни он, ни его семья не выступали против закона. Его отец – дипломат на Земле Пятой, ты знала? Уважаемый... – она споткнулась на подборе слова, – не-человек. И сам Одир свою жизнь посвятил служению порядку. Никак не могу понять, почему этого недостаточно?

– Стереотипы, – подумав, ответила я. – Ну хорошо, давай в следующий раз сядем к нему. Это даже прикольно – полить всех вокруг!

Триш заметно обрадовалась. Из нее в будущем получится превосходный миротворец или дипломат. Для выпускников академии и такая карьера не была редкостью. После недолгих размышлений подруга огорошила не столь уж очевидными выводами:

– Вот и славно! Всем покажем, что нам плевать. И будем делить... к-хм... существ по поступкам, а не видам! К тому

же он просто милый и симпатичный парень.

От последней формулировки я вросла в землю и рот разинула. Да сама Триш не могла себя пересилить и назвать Одира человеком, но зато разглядела его внешность? Если уж откровенно, то если бы он не был оборотнем, то вполне мог привлечь и мое внимание. Кареглазый шатен, очень широкий в плечах, но притом не производящий ощущения грузности – полностью в моем вкусе. Но ракшасы, насколько мне известно, и не бывают уродами. Ведь это и есть их природа – привлекать. Однако каждая девушка в Системе Освоенных Территорий это знала и сразу ставила границу: это не та красота, которую можно оценивать. Вот, например, снежные барсы, которые живут на Земле Третьей – невероятно красивые звери. Даже на видео глаз отвести невозможно от их грации и блеска шерсти. Но ведь никому не придет в голову влюбиться в снежного барса или другое прекрасное животное! Так происходило и с ракшасами: их красоту видели, но не воспринимали. Все знали об их склонности к извращениям. Некоторые, самые безумные, ненадолго связывались с ними – испытать новые ощущения, но и они со временем сбегали. И насильников среди ракшасов было больше, чем среди всех остальных рас вместе взятых. Они вообще на сексе помешаны, больные. Но легальные оборотни держали себя в руках – или обзаводились гаремом, или развлекались только с себе подобными. Да и не производил пока Одир впечатления невменяемого извращенца. Наверное, потому что

еще совсем молод.

А Триш уже переключилась на другую тему:

– Пойдем в пятницу в клуб! Не спорь, Дая! Пока ты сама себя с ума не свела. Или от своего гормонального кризиса тоже во сне собралась избавляться?

– Уж точно не в клубе, – обозначила я твердую позицию.

– В клубе с кем-нибудь можно познакомиться!

Я усмехнулась.

– Ну да, представляю себе. Лучше уж во сне. Или вон, с Одиром – он ведь должен быть всегда готов?

Хотя бы эту шутку Триш оценила и громко рассмеялась.

* * *

Клубы, как и оборотни, делятся на узаконенные и не очень. Примерно в том же соотношении. Однако таких же принципиальных различий между ними нет. Притом в легальные государственные клубы редко заглядывает молодежь. А кому понравится веселиться на глазах у десятка полицейских и пить безалкогольные коктейли? Это места отдыха семейных пар и совсем незрелых подростков, которым родители впервые разрешили «потусить». Гарантия, что отдых не закончится неприятностями. Цвет пояса на одежде показывает, насколько человек настроен на знакомство. Красный оттенок говорит, что девушка или парень заняты. Даже если их партнера нет поблизости, то могут утащить в

полицейский квадрат после обычной попытки познакомиться. Зеленый пояс, наоборот, свидетельствовал о том, что сегодня отдыхающий мечтает не только потанцевать, а в идеале получить длительные партнерские отношения. Чаще всего получали они только одну ночь интима, но в эти вопросы полиция вмешиваться уже не могла – никто ж насильно зеленый пояс на бедную брошенку не надевал. В государственных клубах продавались также легкие психотропы и секс-услуги – конечно, только для тех, кому исполнилось двадцать пять. В общем, отличное развлечение для стариков.

В остальных заведениях было заметно шумнее, но и там довольно безопасно – внутренняя охрана следила за порядком. Здесь и спектр услуг разнообразнее, и психотропы другого уровня воздействия. Но ничего особенно ужасного не грозило, если посетитель сам с головой. Правило одно: не запихивай внутрь ничего подозрительного – будь то яркая таблетка или член симпатичного нового знакомого. Однако эти правила действуют в любой ситуации, а не только в развлекательных клубах.

Мы с Триш выбрали негосударственное заведение под названием «Ромарио» – ближайшее к академии и потому являющееся самым популярным местом отдыха курсантов. Мы тоже там были завсегдатаями: танцевали, отдыхали, иногда выпивали по коктейлю, знакомились с кем-нибудь, но никогда эти знакомства не выходили за границы клуба.

И как будто звезды сошлись в неудачном месте: именно

сегодня там присутствовал Эрк. Я сразу выхватила из сотен лиц компанию знакомых – шестикурсники собрались за одним столом недалеко от входа, а уж разглядеть среди них того, которого видеть хотелось меньше всего, не составило труда. Триш мгновенно оценила мою реакцию и проследила за взглядом.

– Хватит уже, Дая! – прикрикнула она. – Сколько можно его избегать?

– Еще два курса, – обозначила я, как аксиому. – После этого он выпустится, и мы уже вряд ли встретимся. Вот тогда можно и притвориться, что я никогда перед ним не позорилась.

Триш скривилась.

– Нашлась тут тоже, опозоренная. Он уже о твоём признании забыл, но ты продолжаешь мусолить, никак отпустить не можешь. Несколько месяцев прошло! Или ты просто до сих пор в него влюблена? Тогда да, тогда продолжай психовать.

Я захлебнулась воздухом от возмущения.

– Влюблена?! Как раз наоборот! Видеть его не могу, неужели неясно?

Триш ухватила меня за локоть и поволокла вглубь, издевательски приговаривая:

– Вот и докажи, что тебе все равно. А то пока я вижу только искры из глаз – это любовь, не иначе.

– Триш, я тебе руку сломаю!

– Не ломаешь, – хохотала подруга. – Потому что это прав-

да. Я же просто пошутила, но разошлась-то, разошлась. Видать, в самое яблочко прилетело.

– Неправда!

– Ну-ну. Еще громче об этом проори.

К счастью, глупая перепалка закончилась, когда она увлекла меня за звуковую завесу, где играла музыка – настолько громкая, что препираться дальше можно было, только тесно обнявшись и крича друг другу в уши. А у меня не было желания обнимать Триш прямо сейчас.

У барной стойки опрокинули по коктейлю, после чего я вынуждена была признать – не так уж и плохо. А среди такой толпы присутствие Эрка можно запросто игнорировать. И раз барабанные перепонки рвутся от технотронного ритма, то можно и потанцевать – древнейшее развлечение людей любой эпохи, любого статуса или вида. Мы с Триш надели зеленые пояса – это означает, что каждый может попытаться, но пусть на всякий случай будет готов к резкому отказу.

Парни вокруг нас крутились – и я, и Триш умели привлечь к себе внимание. Многочасовые спортивные тренировки даром не проходят, а врожденная женственность делает остальную работу. К тому же здесь мы не были выражены в обтягивающие черные комбинезоны – форму курсанток, потому струящиеся короткие юбки и высокие каблуки добавляли каждому движению изюминки, которую невозможно воспроизвести в другом наряде. Танцы на грани фола – с мимолетными касаниями и улыбками. Ничего не обещаю-

щие, пока не прозвучат имена. До знакомства девушка может позволить себе какой угодно флирт, но после знакомства любой имеет право озвучить свои желания, а второй должен их либо принять, либо отвергнуть. Чтобы повысить вероятность успеха, парни сначала рисовались – пытались понравиться до произнесения имен. А в таком шуме и не познакомишься. Потому им пришлось бы вытаскивать нас в первый зал, и пока ни один не осмелился.

И я крутилась, отпустив свои заботы, неприятности на учебе или необходимость думать о деньгах. Крутилась, подняв лицо к мерцающему потолку, позволяя волосам свободно развиваться. Принимала не без удовольствия чужие прикосновения – это лишь знаки внимания. Мне никто не понравился настолько, чтобы я захотела услышать его имя. Но все они создавали ауру – я молода, свободна, красива, и мелкие тревоги не играют прямо сейчас роли.

Но внезапно обстановка изменилась. Триш среагировала первой и остановилась, а я замерла, уловив ее движение. Всего в двух шагах от нас стоял огромный мужчина – никакая одежда не смогла бы скрыть его мощную фигуру и перекачивающиеся бугры мышц. Типичный берсерк. А если человеку не посчастливилось родиться таким гигантом, то ему приходится сложно. Парни вокруг нас расступились, не желая ввязываться в возможный конфликт. Интерес могучего оборотня был очевиден – он не сводил потемневшего взгляда с Триш.

Я огляделась, прикидывая варианты. Можно рвануть к охране, у них есть средства остановить любого, но тогда берсерка только разозлишь. До того, как его уложат, он успеет покалечить многих, если не саму Триш. Оборотень перевел задумчивый взгляд на наши пояса. Прокол. Если бы на нас были красные, то это стало бы сигналом для любого не лезть. Даже берсерки опасаются открыто нарушать закон в самом центре Неополиса. Но в данном случае он имел право с нами говорить – хотя по взгляду и нельзя было сказать, что гигант собирается именно говорить. Я просто потащила Триш в другую сторону. Но, когда оглянулась, отметила, что берсерк уверенными шагами следовал за нами, рассекая толпу, как огромная булава.

Вылетели за звуковую завесу. Здесь уже музыка тише, то есть можно привлечь к себе внимание хотя бы криком. Синхронно развернулись и сразу оцепенели от ужасающего лица оборотня, теперь перекошенного назревающей злостью. Худшее, что можно сделать, – это бежать от берсерка и провоцировать в нем инстинкт охотника. Они вполне способны себя контролировать, но до тех пор, пока гормоны не затмят разум. А мы, всего лишь первокурсницы, совершили настолько серьезный промах! Вот вам и различие теории и практики, профессор...

Однако к нам сразу с нескольких сторон рванули люди. Я с удивлением узнала компанию идиотов – тех самых, что в столовой донимали Одира Вейра. Их главный буквально

задвинул Триш себе за спину, и его друзья тоже выступили вперед. Но слева подбежали шестикурсники, и наши защитники не стали ничего говорить – предоставили право высшим по рангу. Эрк Кири подоспел первым, теперь я за ним даже не могла разглядеть берсерка.

Он вскинул руку в мирном жесте, а другую руку убрал за спину, крепко сжимая в ней мини-бластер – обычное оружие тех, кто имеет право говорить от имени закона:

– Не нужно конфликтов, оборотень! Здесь куча охраны.

Берсерки агрессивны, но не тупы. Особенно легальные – они годами учатся обуздывать свой нрав. И, судя по всему, этот сделал над собой колоссальное усилие и медленно прорычал:

– Никаких конфликтов, солдат. – Он по каким-то жестам уловил статус Эрка. Курсантов от обычных людей не отличишь только до четвертого курса, а потом уже с легкостью узнается и профессиональная выправка, и выверенные движения. – Мне просто понравилась женщина. Я хотел назвать ей свое имя.

Оборотень пытался говорить мягко – так мягко, насколько вообще способен представитель этой расы. Все равно звучало угрозой, хотя он старался. Возможно, Эрк это тоже уловил. Зачем доводить до мордобития – быть может, и с летальным исходом – если ни одна из сторон этого не хочет? Эрк кивнул ему коротко, обернулся к нам и остановил взгляд на моем лице. Я качнула головой и кивком указала на Триш

– мол, не я заинтересовала оборотня, а подруга. Потому шестикурсник громко и отчетливо спросил у нее:

– Ты хочешь знать имя этого господина?

– Нет, – ответила она тоже громко, паника уже отступила.

И Эрк повторил для берсерка уже очевидное:

– Она не хочет знакомиться с тобой.

Берсерк окинул взглядом Эрка – очень внимательно, с ног до головы, потом глянул на остальных. И, видимо, решил, что благоразумнее будет поискать приключений в другом месте. Он тоже кивнул и слишком резко, нервно двинулся к выходу. Кому-то сегодня не повезет на темных улицах Неополиса, но всех проблем не решить.

Старшекурсники даже интересоваться нашим настроением не стали – убедившись, что берсерк не настроен больше донимать Триш, они просто направились к своему столу. Потому мы имели возможность поблагодарить хотя бы первых подошедших, которых даже идиотами теперь язык не поворачивался назвать:

– Спасибо, – я сказала первой, и Триш еще звонче и благодарнее повторила.

– Не за что, – сказал их главный. – Меня зовут Иррик, второй курс. Мы учимся в одной академии. Кем бы мы были, если бы не отреагировали?

Другого я и не ожидала. Между собой мы могли спорить и даже драться, но чтобы в подобной ситуации хоть один курсант остался в стороне – такое и представить невозможно. Я

еще раз благодарно улыбнулась Иррику и его друзьям, а потом мы с Триш поспешили вернуться к веселью.

Больше ничего запоминающегося так и не произошло. Никто из парней нам не понравился настолько, чтобы допустить знакомство. Мы дотанцевались до боли в ногах. И потом, уставшие, решили все же отправиться в общежитие – не каждый день случаются судьбоносные встречи, пора было это признать.

В столь позднее время заведение покидали уже многие. И на улице было приятно прохладно, потому молодежь задерживалась у крыльца в ожидании друзей. Мимо Эрка я прошла с гордо поднятой головой, как если бы вообще не заметила. Мы сразу свернули в переулок – так путь короче до стоянки платных перевозчиков. Триш предложила:

– Нам стоит экономить деньги. Может, пешком доберемся?

Понимая, что она вряд ли всерьез обдумала такой вариант, я все же указала на обувь:

– Если я на этих каблуках пройду десять километров, то уже никогда не смогу ходить. Придумаем что-нибудь. В крайнем случае есть перестанем. Но посещать клуб не бросим!

Триш рассмеялась, но вдруг осеклась. Впереди от тени здания отделилась фигура. Мы обе облегченно выдохнули, узнав Иррика. Но он смотрел теперь как-то иначе – наверняка наглотался психотропов. Тем не менее даже под наркоти-

ками он не представлял никакой угрозы – мы с Триш даже на каблуках смогли бы постоять за себя против одного человека.

– Девочки, – парень натянуто улыбнулся. – Не хотите попробовать порошок? Всего тысяча за грамм.

Ну ничего себе поворот! Мы вылупились на знакомого, не понимая, как курсант военно-полицейской академии докатился до уровня уличного дилера. Триш отмерла и сдавленно ответила:

– Нет уж, спасибо. Дай пройти.

Но парень странно ощерился и предложил:

– Тогда, может, вас проводить?

Он убрал пакетик в карман, шагнул к нам и, раскинув руки, приобнял за талии сразу обеих. Не сговариваясь, мы уверенно отпихнули его от себя подальше.

– Иррик, – буркнула я недовольно, – ты бы собственный товар в таких количествах не употреблял!

Он засмеялся, а осторожная Триш коснулась моего локтя и предложила:

– Обойдемся без ругани, Дая. Нам лучше вернуться к остальным. Мы ведь Эрка так и не поблагодарили.

Я не стала спорить. В конце концов лучше добраться до академии со знакомыми, раз в каждом переулке нас ждут обдолбыши, которых и бить-то не хочется, потому что еще совсем недавно они проявили себя хорошими ребятами. Я даже была готова пойти в компании шестикурсников, они уж

точно проследят, чтобы мы благополучно сели в платный перевозчик. А приключений на сегодня достаточно.

И, снова выходя на освещенную перед клубом площадку, мы остолбенели. Впереди стоял смеющийся Иррик вместе со своими друзьями. Пьяный, веселый... и ни капли не производящий впечатления человека под психотропами. Переглянулись. Дошло сразу до обеих, а озвучилось общим выдохом: – Перевертыш...

И, как будто почувствовав неладное, я приложила руку к поясу сзади. Тут же сказала о пропаже Триш, чтобы она тоже ужаснулась. Перевертыш украл мою маленькую сумочку, пристегнутую к поясу, да еще и так, что я ничего не заметила! Сумочка Триш оказалась на месте. В моей была карта с небольшой суммой денег и удостоверение личности. Мысли понеслись в сторону возможных решений: карту надо заблокировать, документы можно восстановить. За потерю удостоверения мне в личное дело запишут выговор, придется проходить заново идентификацию, сдавать кровь – проблемы, но решаемые. Вот только без корочек я не смогу сегодня попасть в общежитие. Это уже хуже, но что-нибудь придумаю. Я не расстроилась, а разозлилась до кипящей ярости:

– Мерзкий перевертыш! Ублюдок! Почему я сразу не переломала ему кости, как собиралась?!

Своими воплями я привлекла внимание стоящих неподалеку. Из них к нам подошел только Эрк, улыбнулся – ну вот только он умеет так улыбаться, что сразу начинаешь мечтать

о невозможном. До конца выслушал искреннюю тираду, перемешанную с ругательствами, и хлопнул меня по плечу в качестве поддержки. Шутливо заметил:

– Как таких неподготовленных девиц в курсанты принимают? Ладно-ладно, не паникуй, на первом курсе все такие же тупые. Сегодня можешь перекантоваться у меня, утром слетаешь в полицейский квадрат и напишешь заявление. Если повезет, то уже завтра или послезавтра снова станешь легальным человеком. А перевертышу кости ты бы не переломала – у него их фактически и нет. Так что считайте, что легко отделались. Он вас обоих мог там же придушить без труда.

Я проигнорировала круглые глаза и многозначительные взгляды Триш. К счастью, видеослайдер был пристегнут к поясу с другой стороны – его оборотень не прихватил. Сразу вошла в базу личного финансового управления и остановила действие карты. Кто вообще в наше время ворует деньги? Да пока он мой счет будет взламывать, я пять новых успею выписать. Делала каждый клик медленно, вдумчиво, лишь бы не посмотреть на Триш и не покраснеть от мысли, что сегодня – каким-то фантастическим образом и перипетиями судьбы – я окажусь в квадрате самого Эрка, самого впечатляющего курсанта академии, который меня когда-то отшил и которого я так долго всеми силами старалась ненавидеть.

Глава 3

В платном перевозчике мы оба молчали. Мне было не по себе – вроде бы стоило поблагодарить Эрка за помощь, но как при этом не выдать собственного восторга? Да я бы согласилась на вооруженное ограбление ради одной возможности вот так ехать куда-то вместе с ним. В итоге решила делать вид, что согласилась просто из безвыходности положения. И была даже рада, что шестикурсник больше не подшучивает над моим серьезным промахом и ни о чем не спрашивает.

Поездка заняла целых двадцать минут. На бесплатном перевозчике вышло бы раз в пять дольше, но бесплатные в такое время уже и не ходят. Это значит, что квадрат Эрка находится на самой окраине столицы. Я молчала и когда мы поднимались на скоростном эскалаторе до двести двенадцатого этажа, и когда он, приложив удостоверение, открывал замок. Но не выдержала, войдя в светлое, огромное помещение. Такое, даже в многоквартирнике на окраине, стоило немислимых денег.

От изумления я присвистнула.

– Ого, Эрк, ничего себе роскошь! Стало любопытно, кто твои родители... Или ты получаешь такой доход от подработки в полиции?

Парень скинул ботинки, направился в гостиную невероятных размеров и попросил, не оборачиваясь:

– Давай обойдемся без этого. Вот там комната свободная – можешь занимать ее, пока не восстановишь удостоверение личности. Не требую рассыпаться в благодарностях, но и нервы себе трепать не позволю.

Я опешила от неожиданно появившейся прохлады в его голосе:

– Без чего обойдемся? О чем ты?

Мне действительно не была понятна внезапная смена его настроения. Эрк повернулся, заправил руки в карманы и посмотрел на меня с настоящим раздражением. Нет, я не рассчитывала на прилив романтики или неловких касаний вот так сразу после щедрого предложения помощи, но никак не могла сообразить, почему такой вежливый и приятный парень вдруг разозлился. Он долго смотрел на мое лицо, затем как будто сумел прочитать на нем явное недоумение и вдруг произнес:

– Эрк Кири.

Шагнула к нему и снова замерла, так и не понимая:

– Я знаю, как тебя зовут.

И он повторил с паузами, как будто говорил с умственно-отсталой:

– Эрк. Кири. До сих пор будешь делать вид, что не можешь сопоставить?

Меня долбануло осознанием откуда-то сзади, даже мысли от такого удара содрогнулись. В самом деле я только сейчас об этом задумалась! Кири – довольно распространенная фа-

миллия, в прошлом было не меньше трех знаменитых писателей Кири, и дипломатов, и даже один президент. Лет семьсот назад – я не слишком хорошо помнила историю, чтобы сказать точнее. Но сейчас в мыслях обозначился другой однофамилец, который раньше не приходил в голову:

– Командор Кири... – я сделала недоуменную паузу, – твой родственник?

– Отец. А то ты не знала.

У меня отвисла челюсть. Один из главнейших людей в правительстве, командор Четвертого Сектора Освоенной Территории, а его сын – вот так запросто ходит по земле и учится в той же академии, что и я?! Мне почему-то представлялось, что настолько высокопоставленные персоны держат своих чад не там, где они могли бы получить травмы и вынуждены общаться с простыми смертными. Да на любом задании в полиции Эрк мог нарваться на оборотней и погибнуть! И никаких других детей элиты я в академии не встречала, так почему мне эта неочевидная мысль должна была прийти в голову? Я рассматривала парня теперь пристальнее, пытаясь вспомнить из учебников портрет его знаменитого отца и уловить внешнее сходство.

– Не знала? В любом случае плевать. Иди спать. Я с ног валюсь.

– Подожди! – я даже руку вскинула, как будто собиралась его жестом остановить. – Эрк... а может быть такое, что ты отказываешь... ну, девушкам отказываешь по этой причине?

Эта мысль меня посетила только что, продиктованная его странной реакцией на обычное любопытство. При ответе на вопрос он прохладно улыбнулся:

– Я не отказываю девушкам. Я отказываю только тем, кто перед признанием в чувствах сначала навел обо мне все справки, а уж потом подкатил. Предпочитаю дам, которые никакого отношения к академии не имеют.

Мне нечего было возразить – осталось развести руками. Недоразумение, недопонимание и нелепое стечение обстоятельств, из-за чего вся ситуация с его стороны стала выглядеть именно так. Да, мы с Триш расспрашивали сокурсников об Эрке, но никого из ближайших друзей. И узнавали вовсе не о родословной – возможно, только потому никто ее не упомянул. Или курсанты, родившиеся и выросшие в столице, не подозревали, что в провинции далеко не всех шишек в лицо помнят. Единственное, что нас интересовало: есть у Эрка пассия и нет, чтобы мне случайно не признаться в чувствах уже занятому парню. Но сейчас любые объяснения прозвучали бы пустым оправданием. Он ведь тогда мне даже не нагрубил – просто отшил. А девушек себе ищет по-дальше от знающих. Чтобы не путалось честное с меркантильным? Но Эрк сам по себе впечатляющий – да ни одна девушка не станет рассматривать за его внешностью и характером какие-то дополнительные бонусы! Но и это прозвучало бы всего лишь оправданием. Потому я не стала спорить и доказывать свою невиновность, да и слишком много времени

прошло, пора уже забыть. А теперь и простить за разбитое сердце, раз мне стала понятна картина и с другой стороны.

Даже комната была огромной – я таких пространств в жилых помещениях и не припомню. Усталость была жуткой, ноги гудели, а после того, как я скинула туфли, принялись гудеть с угрожающим звуком, но мне так хотелось осмотреться, почувствовать себя хотя бы ненадолго богатенькой девочкой, которая ни в чем себе не отказывает. Вид на город с такой высоты смотрелся лучше любой картины. Серые стены, которые на ощупь оказались шероховатыми, привлекали к себе не только взгляд, но и вызывали желание непременно погладить. Я разделась и проникла в прилегающую ванную – и там сошла с ума окончательно. Никогда не была завыстливой, вообще не понимаю, что на меня нашло, но отчего-то хотелось визжать. И душевая кабина, и ванная – все отдельно. Обстановка блестит, переливается, а стены обиты темно-коричневым синтетическим мрамором. Возможно, что у Эрка и не паранойя... я это поняла только после того, как увидела ванную комнату. Кто знает, на что готовы пойти женщины, чтобы оказаться здесь и на всю жизнь задержаться? А в доме самого командора, наверное, еще круче? Хотя вряд ли может быть намного круче – это уже даже представить невозможно.

Кири... Сын самого командора Кири... В этой волнующей мысли я и уснула.

Хотелось вспомнить Его имя, а в голове крутилось только «Кири» – как отголосок какого-то ненужного воспоминания. Человек, стоявший за моей спиной – я чувствовала Его дыхание и ту знакомую силу, которую ощущала всякий раз, едва Ему стоило оказаться рядом – носил другое имя. Его я не знала. Я его никогда не слышала.

– Вспоминай, Дая, – улыбка в голосе.

И больше ничего не надо. Только ответить Его же именем – и точно тем же тоном. Если от моего голоса Он получает такое же удовольствие, то моего иллюзорного недолюбовника тоже проберет до самых костей. Только для одного этого надо знать. Я развернулась резко. Точно, Он улыбался. Безупречный.

Положила ладонь ему на грудь, с вяжущим удовольствием провела пальцами по гладкой коже. Вертикальные зрачки сузились и превратились в тонкие полоски. Ему нравится. Ему нравится все, что я делаю, как мне нравится все, что делает Он. Сон – не место для неловкостей. А крокодилы глаза бывают только в сновидениях.

– Любимая. – Он положил руки на мои голые плечи, повел вниз – я готова была взвыть даже от такой ласки. – Мне было приятно, что сегодня ты сама сделала шаг ко мне.

Он явно говорил не о моих нежных заигрываниях.

– Какой шаг, любимый?

– Не так быстро, Дая. Я хочу оставить самое приятное до реальной встречи.

– Ты поэтому никогда меня не целуешь?

Он положил ладонь мне на щеку, наклонился, но прижался лбом к моему. Объяснил шепотом:

– Поцелуй – это, возможно, самое важное, что случается у влюбленных. Я готов ждать хоть вечность.

– Чего ждать?

– Но я очень хочу к тебе.

И его руки притянули к себе тесно, до стога. Поцелуй в шею – не мягкое касание, а почти жадный укус. Он тоже едва держится. А зачем мы держимся?

Как и случалось десятки раз прежде, я проснулась. Сразу села и прижала руку к груди, потому что в ушах застучало в ритме сердца. Едва отдышалась, посмотрела в сторону и испуганно вскрикнула:

– Эрк?

Хозяин квартиры действительно стоял в спальне. А теперь глянул в потолок и приказал системе технического управления:

– Светлее на двадцать.

Освещение тотчас немного прибавилось. Эрк подошел, вглядываясь в мое лицо пристально, потом сел на край постели и объяснил спокойным голосом:

– Я просто мимо комнаты проходил. И слышал звуки –

испугался, что тебе стало плохо.

О, мне было хорошо. Если бы я сама принимала решения, да еще и во сне, то вообще никогда не просыпалась бы. Неужели стонала? Черт, стыдно-то как... Я натянула покрывало до подбородка и заставила себя улыбнуться, чтобы моя ложь прозвучала искренне:

– Нет, ничего такого. Приснилось что-то, уже не помню.

Глаза у Эрка очень красивые – зеленые, умные, внимательные.

– Дая, кошмары – это не слабость или болезнь. Но надо обратиться к штатному психологу. Кошмары свидетельствуют о глубоком, затянувшемся стрессе, и лучше раскопать его причины до того, как ты испытаешь новое потрясение. Солдаты не имеют права на уязвимую психику.

– Да я не...

Он перебил, будто вовсе меня не услышал:

– У меня самого были кошмары. И теперь их нет. Любая проблема решается, если ее решать.

Возбуждение от недавнего сновидения еще не отступило до конца. Надо выпить воды, потом немного отдохнуть, но сейчас уже блондин из сна не казался идеальным. Вот же он, идеал, сидит прямо на моей постели. Руку протяни и коснешься. Интересно, как Эрк отреагирует на мое прикосновение? И ведь не объяснишь, что кровь закипела совсем не из-за него, но зато из-за него продолжает бурлить. Я не рискнула проверять.

– Дая, почему ты так смотришь?

Я кое-как собралась и заставила себя поддержать предложенную тему разговора:

– А почему тебе снились кошмары, Эрк?

– Долго рассказывать. Потом как-нибудь, если мы станем друзьями. – Он смущенно улыбнулся, встал и отправился на выход. – Темнее на двадцать.

Свет вновь приглушился, а я откинулась на подушку. Сам Эрк сказал, что есть возможность нам стать друзьями! Я об этом раньше и не задумывалась, но теперь невольно обрадовалась, представляя, как мы вместе выбираемся в клуб или на прогулку, как привыкают к моему присутствию его друзья-шестикурсники, как все постепенно открываются и начинают рассказывать о себе. И Эрк рассказывает... А потом понимает, что я и есть та самая... Да что со мной? Из одного болота вынырнула и сразу нырнула в другое. Триш права – у меня уже гормональный сбой.

* * *

Весь следующий день я носилась с восстановлением документов: сдала кровь, отпечатки пальцев, прошла полное сканирование организма, чтобы заново идентифицировать личность, написала заявление в полицейском квадрате о краже и блокировке старого удостоверения. С последним проблем тоже не возникло, но капитан прямо сказал, что пой-

мать конкретного перевертыша в таком густонаселенном городе немного сложнее, чем найти нужную пылинку во всей Освоенной Территории. Пылинка хотя бы облик свой не может изменить. Да я и не рассчитывала, но впервые воочию наблюдала полное бессилие представителей власти – против оборотней они были слепыми котятками. Хорошо, что этот всего лишь поясную сумочку стащил, а убил бы или искалечил – все равно ничего нельзя было бы поделать.

Деньги на медицинские процедуры заняла у Триш – благо вышла незначительная сумма. Потом связалась по видеослайдеру с мамой и попросила перекинуть еще средств. Соврала, что необходима новая тренировочная форма. Она и так была очень недовольна, что мы с Триш переехали в Неополис, каждый день до нашего отъезда повторяла, насколько здесь опасно. Надо ли подпитывать ее страхи доказательствами? Вон даже произошло конкретное преступление, а полиция бессильна и только радуется, что можно поставить галочку «дело закрыто», выписав мне новые документы и еще отчитав, что в таком позорном случае курсант военно-полицейской академии замешан быть не может. Обошлась бы я без нового удостоверения, вообще предпочла бы промолчать о краже.

Мама вздохнула и пообещала что-нибудь придумать. С деньгами у нее было напряженно, много не отправит, стипендия тоже невелика, так что проблема с нехваткой денег всегда будет висеть над моей головой. Моя семья никогда не

голодала, мама работала воспитателем в дообразовательном детском учреждении, но и роскоши мы никогда даже издали не видели. Кстати говоря, это и была основная причина моего выбора профессии – только в силовых структурах зарплата была сравнима с частным сектором. А в частном секторе надо или обладать чрезвычайной предпринимательской жилкой, или сотрудничать с нелегалами. Я была воспитана так, что даже мысли о подобном не допускала: не по мне торговля психотропами, нелегальный рынок секс-услуг, или, тем более, грабежи. Лучше уж жить как мама – в небольшом, но честно заработанном квадрате, есть честно заработанную еду, чем перед сном думать, сколько людей пострадало, чтобы у тебя появился новый видеофон или кусок натуральной курицы на столе.

Богатство же семьи Кири воспринималось принципиально иначе – командор неоднократно рисковал своей жизнью, отразил целый ряд нападений на отдаленные планеты, организовал эффективную оборону во всем Четвертом Секторе и был прекрасным стратегом. Его биографию уже включили в курс новейшей истории, чтобы современники постигали мудрость лучшего и пытались хотя бы приблизиться к идеалу. Благосостояние Кири ни в ком не вызывало осуждения, и даже легкая зависть была неуместна: ты сначала на одном крейсере встреться с армадой сару, выживи сам и спаси команду, умудрись вывернуться и заземлиться на планете, организуй местное ополчение из людей, которые в жизни не

держали в руках бластера, удержи целую планету с миллионами мирных жителей до прихода подкрепления – и потом с почестями получай огромные квадраты с серыми шершавыми стенами и синтетическим мрамором. В нашем обществе не было принято обсуждать доходы силовиков в негативном свете – каждый разумный гражданин знал, чем на практике они расплачиваются за свои гонорары.

В воскресенье мне выдали новенькое удостоверение и кредитки, то есть большая часть вопросов уладилась. Пора было поблагодарить Эрка за гостеприимство и уходить. А так не хотелось! Когда еще удастся настолько близко к нему оказаться? Я уже успела пережить к нему пламенную влюбленность, потом затяжную ненависть, теперь пришла в понимающее равнодушие... а уходить все равно не хотелось.

Однако во время субботнего ужина вышла очередная неприятность. Эрк не готовил сам – заказал доставку из крупного ресторанного квадрата. И я, попробовав салями, сначала сморщилась от непривычного вкуса, а лишь затем распробовала. Неужели из настоящего мяса? Какой вяжущий, пряный и тающий вкус. И, конечно, после второго кусочка я отвесила честный комплимент этому блюду:

– Дерьяк меня дери! Эрк, и сколько же стоит такое удовольствие?!

Глянула на него и сразу поняла, что прокололась. Он натянуто улыбнулся, ничего не ответил, а я запоздало поняла свою оплошность. Ведь он открыто говорил, что ему не хо-

чается подчеркнутого внимания к его положению! Признался, можно сказать, в самом сокровенном. И салями заказал совсем не затем, чтобы произвести на меня впечатление – просто не подумал, не учел... А я вот так, ему прямо под нос свое изумление и выпятила. Извиняться было не за что, но и разговор дальше уже не клеился. У Эрка Кири фобия, что его будут принимать за Эрка Кири. Смешно, но кто я такая, чтобы осуждать? Ведь он общается со многими – друзья нашли к нему подход. Или просто научились не выкатывать глаза из орбит, когда видят продукты из натурального мяса?

В общем, наше общение пока не сделалось приятным и теплым. Я искренне поблагодарила его за приют и гостеприимство, на всякий случай извинилась, если что-то сделала не так, но он почему-то отправился со мной. Молча. Молча же усадил в платный перевозчик и оплатил проезд – как будто понял, что у меня большая напряженка с деньгами. А мне показалось, что этим самым он окончательно перечеркнул возможность нашего сближения в дальнейшем. На прощание натянуто улыбнулся и произнес:

– Встретимся в академии.

Триш уже названивала каждые пятнадцать минут – требовала, чтобы я наконец-то явилась в общежитие и все-все-все ей рассказала, с каждой мельчайшей эротической подробностью. Я даже и не знала, чем порадовать подругу. Разве что тем, что Эрк в домашней футболке выглядит еще более привлекательным, чем в форме курсанта с нашивкой на рука-

ве...

На КПП никого не было. Столпотворение здесь только по утрам, когда все, кто не живет на территории, являются на занятия. Приложила новенькое удостоверение к считывающему устройству и озадачилась, услышав непривычный звук, а потом ответ робота:

– Курсант Дая Джисс уже находится на территории. С уважением, техническая база Академии военно-полицейских сил номер один. Учим во имя порядка!

– Чего? – тупо переспросила я у бездушного устройства. Оно, конечно, не ответило, потому я, уже задрожавшими руками, снова приложила удостоверение.

– Курсант Дая Джисс уже находится на территории. С уважением, техническая база Академии военно-полицейских сил номер один. Учим во имя порядка!

Я отшатнулась – откатилась от табло на несколько шагов, начиная паниковать. Конечно, в голову сразу пришла нелепая мысль – мое старое удостоверение не заблокировано! Потому вытащила видеослайдер и набрала номер управления полицейского квадрата. Там тоже отвечал робот – он называл по порядку номера, которые я должна была набирать, чтобы решить именно свой вопрос. И в итоге после длительных мучений получила ответ:

– Дая Джисс, человек, 20 лет. Дело о краже закрыто за неимением улик для дальнейшего расследования. Удостоверение под номером 239451455 заблокировано. Выдано удо-

стоверение под номером 239958452. Срок действия не ограничен. Служим во имя порядка!

То есть никакой ошибки. Но ошибка все же была, я никак не могла понять, где именно! Я немного прогулялась, чтобы прикинуть варианты, но минут через десять вернулась. Снова подошла к табло КПП. Осторожно, стараясь держать очень ровно, приложила удостоверение, и еще до того, как оно коснулось считывающего устройства, электронный голос оповестил:

– Курсант Дая Джисс, рады приветствовать вас в Академии военно-полицейских сил номер один. Учим во имя порядка!

– Во имя порядка, – с облегченным выдохом ответила я.

Конечно, рассказ Триш о своих эротических приключениях я именно с этого и начала. Но даже коллективным разумом мы пришли только к тому, что случился какой-то технический сбой. Почему видеослайдер изредка может зависнуть, компьютерная портативная система может поймать вирус, а пункт КПП от всех этих напастей застрахован?

* * *

Вроде бы все осталось по-прежнему, жизнь изменилась лишь в деталях. Например, встретившись в коридоре с Эрком, я теперь здоровалась. И все равно быстро прошмыгивала мимо, чтобы парень не заметил моих розовеющих щек.

Пусть все идет каким-нибудь естественным путем, я сама больше не желаю оказаться в уже пережитой ситуации – если поймет, что я по-прежнему испытываю к нему симпатию, и снова отвергнет, то я не выдержу. А поводов для непринужденного общения тоже не находилось.

В обеденный перерыв мы уселись за стол к Одиру Вейру. На нас косились все присутствующие, но сильнее прочих удивлялся сам ракшас:

– Заблудились?

– Нет, – ответила ему дипломатичная Триш. – Просто здесь удобно и тихо.

– Ну да. – Он скептически скривился. – Именно поэтому я это место и выбрал.

Тем не менее выгонять нас не стал. Да и как бы ему это удалось? Отныне вот так, в напряженном и молчаливом согласии, мы теперь всегда и обедали.

Странности начались уже в конце недели, когда ко мне в коридоре поднырнул курсант из старших и тихо спросил:

– Еще есть? Возьму, если по той же цене.

– Что возьмешь? – напряженно поинтересовалась я.

– Не делай вид, что не понимаешь. – Он боязливо озирался по сторонам. – У меня перенапряжение, Дая. Только ты и смогла помочь, я давно уже так спокойно не спал.

И я поняла – как если бы мне прямым текстом подробно рассказали обо всем, что произошло. Многие курсанты борются со стрессами психотропами, но легальные психотропы

вряд ли способны вызвать такой блеск в глазах. Пропавшее удостоверение, на восстановление которого ушло всего два дня... И я... находившаяся на территории академии, когда там не находилась, потому табло КПП меня и не пропускало. И этот парень, сейчас с таким отчаяньем ждущий ответа.

Отрицательно покачала головой и зашагала по коридору. Запрещенными психотропами чаще всего торгуют перевертыши. Оборотень украл мое удостоверение и теперь спокойно проникает на территорию академии, принимая мой облик. В полицейском квадрате на сто процентов уверены, что старое удостоверение заблокировано, и нет никакого способа доказать обратное. Это значит, что оборотень либо изготовил новое действующее удостоверение или перепрограммировал чип в старом. И то, и другое говорило только об одном: речь идет не о каком-то одиночке, приторговывающим в подворотнях. В деле замешана очень влиятельная преступная сеть – только она способна действовать с таким размахом. Группа оборотней может меня подставить так, что в жизни не отмоюсь.

Может, стоит бежать в полицейский квадрат и все честно рассказать? А если доказательств так и не найдут? Ведь я совсем недавно была свидетелем, с какой легкостью закрываются дела, если расследовать нечего. А тут как раз и нечего – кто-то с моим лицом и моим удостоверением продает запрещенные препараты, да еще в таком месте, где подобного никогда не случалось. Если меня заключить в тюремный

квадрат, то преступление прекратится само собой. И неважно, кто на самом деле этим занимался — я или перевертыш. Преступник в любом случае уже не сможет использовать мое лицо и имя. И дело будет улажено.

Дерьяковы перевертыши! Дерьяковы оборотни, чтобы им всем сдохнуть! Дерьякова полиция, которая ради порядка готова пойти на любую несправедливость! После окончания буду просить распределения в защитные организации. Там хоть ясно, кто враг: видишь оборотня — стреляешь в оборотня. А во внутренних органах превыше всего создание видимости, что все вопросы решаются. Порядок, дерьяк его дери, лишь бы был порядок.

Я испугалась этому совершенно необычному осознанию так сильно, что даже с Триш им не смогла поделиться.

Глава 4

Я пока не определилась, можно ли рассказывать кому-то о своей тупиковой ситуации. Если и решусь, то для начала неплохо бы убедиться, что делюсь я с другом, а не перевертышем под личиной знакомого. Хотя Триш вела себя естественно, я невольно анализировала каждый ее жест и слово. В пятницу наотрез отказалась ехать с ней в клуб, она может найти себе компанию из наших одноклассников. Подруга предположила, что у меня обострилась хроническая экономность и шутливо предложила открыть мне кредитную линию. Тогда пришлось соврать о плохом самочувствии и настоять, чтобы она все же ехала без меня. Главная причина заключалась в растущей паранойе: казалось, стоит мне только покинуть академию, как здесь тотчас нарисуеться моя копия. У преступной сети определенно есть способ следить за моими перемещениями. Ведь если кто-нибудь застанет нас тут одновременно, то и всему плану перевертышей конец, тогда даже полиция будет вынуждена признать факт моей невиновности.

Кроме того, у меня назрело еще одно неотложное дело. Стоило подруге, как и большей части курсантов, оставить территорию с намерением вернуться только за полночь или к утру, я вышла из своего корпуса и направилась к мужскому общежитию. Пора было признать, что мне требуется по-

мощь. Хотя бы дельный совет от того, кто уж точно не может являться перевертышем. И, перебрав все варианты, я остановилась на единственном доступном – если этот парень не сможет помочь, то остальные вообще бессильны.

Просмотрела в холле списки. Курсант Вейр жил в комнате на седьмом этаже один – неудивительно. Коменданты наверняка тем самым предотвратили множество возможных конфликтов. Оборотень-ракшас явно не из тех, кто склонен тусить с остальными, потому я надеялась его застать. И, конечно, по всем законам подлости на лестнице столкнулась с большой компанией веселых парней и девчонок. На меня не обратили внимания – в академии нет запрета посещать чужие корпуса, но один курсант остановился. Я тяжело вздохнула и, не поднимая взгляда, поздоровалась:

– Добрый вечер, Эрк. В клуб собираетесь?

– Собираемся. Не хочешь составить компанию?

Сердце бешено заколотилось – это ведь почти приглашение на свидание! Пусть мы и будем в компании, но это приглашение! И я обязательно согласилась бы, не случись моей тяжелой паранойи.

– Не сегодня, Эрк. Может быть, на следующей неделе?

– Может быть, – отозвался он, однако все никак не уходил с моего пути. – Дая, ты пришла к своему парню?

Вопрос-катастрофа. И притом очень логичный, приходящий первым на ум. А что еще мне делать в мужском общении в пятничный вечер? Да еще и одной, со всей очевид-

ностью спешащей к кому-то. Возражу – и тогда надо хотя бы что-то объяснить. Соглашусь – и на следующей неделе Эрк меня уже не позовет. Потому вместо ответа я просто широко улыбнулась и неопределенно повела плечами. А потом рванула дальше по лестнице. Сначала все равно придется уладить свои проблемы, а уж потом разгребать романтические переживания.

Тихо постучала. Одир открыл и удивленно уставился на меня. Отступил на шаг, пропуская внутрь, и недовольно пробурчал:

– Так и знал, что вы ко мне неспроста прицепились. Что вам обоим нужно?

Я махнула рукой назад, показывая, что Триш со мной нет, так что если нам обоим что-то и нужно, то обойдемся без множественного числа. Ракшас вздохнул и закрыл дверь.

Я решительно направилась к одной из двух кроватей и села. Оборотень помедлил, потом разместился напротив, ожидая, когда я уже созрею до объяснений. И я, не отрывая взгляда от собственных пальцев, выдала все, что произошло – от воровства удостоверения до торговли психотропами в самой академии. В конце разволновалась так сильно, что встала и зашагала по комнате туда и обратно.

Одир тоже поднялся, перехватил меня за плечи и заставил остановиться. Руки у него очень сильные – еще чуть-чуть и кости захрустят. Оборотень, что с него взять. Наклонился, вынуждая посмотреть в его глаза. И тогда я отчаянно выдала:

– Я не знаю, к кому еще обратиться, и не имею понятия, что делать! Хотя бы расскажи, что сам об этом думаешь. Вдруг это как-то поможет и мне?

– Для начала успокойся, – он говорил тихим, успокаивающим голосом. – Перевертыши не будут подставлять тебя. И сами вряд ли попадутся. Если уж они с таким трудом впервые проникли сюда, то сделают все возможное, чтобы здесь задержаться. И, судя по всему, они знают расположение всех камер и о твоём присутствии на территории, потому и не попались до сих пор.

Вместо ожидаемого облегчения от того, что наконец-то удалось выговориться и даже найти поддержку, я поддалась новой волне паники:

– Это понятно! Но еще понятно, что любой из их покупателей может проговориться. И показать на меня!

– Зависимые от психотропов не бегают с признаниями, – попытался успокоить ракшас снова.

У меня не иссякали контраргументы:

– Сами не бегают. Но после первого же медицинского осмотра кураторы могут заподозрить неладное и отправить на дополнительную проверку. Сколько нужно времени, когда кто-то из этих обдолбышей расколется?

Одир отпустил меня и уставился в окно. После долгих размышлений вынужденно признал:

– Да, если перевертыши где-то проколются, то попадешь ты. Если сама признаешься, то попадешь ты.

– А я о чем говорю!

Я уже едва не плакала, хотя слезливость вообще не вписывалась в мой характер. Просто дошла до точки на краю нервного срыва. Мне бессонницы, связанной со сновидениями, хватало, чтобы быть в постоянном напряжении, а тут еще и это!

– Почему ты пришла ко мне, Дая? – задумчиво спросил Одир. – Решила, что раз мы обедаем за одним столом, то стали друзьями?

– Ты оборотень! – я объяснила и без того понятное. – Если кто и понимает, как вычислить оборотня, то только ты.

Однако Вейр задумчиво поправил:

– Я ракшас, а за тебя взялись перевертыши.

От усталости захотелось рухнуть на кровать, но на месте все равно находиться не могла – дергалась от нервов. И потому снова принялась шагать – к нему, обратно, к нему. Кажется, Одир от моих метаний раздражался, потому что резко развернулся и снова схватил своими клешнями за плечи.

– Ладно. Давай подумаем вместе, только хватит скакать.

Я улыбнулась ему с настоящей благодарностью. Пусть даже не поможет, но одно намерение уже много значит.

– Одир, а есть какие-то признаки, как отличить перевертыша?

– Конечно. Мы же изучали их поведенческие модели, – напомнил он. – Перевертыш не может воспроизвести мысли человека – спроси у него, о чем он не может знать, и сразу

станет понятно.

– Ну да, – я обреченно вздохнула, – если я увижу себя, то мне и спрашивать ни о чем не понадобится. Еще какие-то признаки?

Я не заметила, как его руки медленно переместились ко мне на спину, и мы приблизились друг к другу. Очнулась, только когда теплая ладонь нежно прошлась вниз и снова наверх. И голос оборотня стал мягче, почти убаюкивал:

– Вот тебе признак ракшаса. Если я вижу сексуально привлекательный объект, то невольно испытываю желание. Мне стоит больших трудов держать себя в руках во время занятий. И я очень рад, что все меня сторонятся. Поэтому разозлился, когда вы двое принялись меня донимать. Как будто осознанно провоцируете.

Я не отпихнула его, просто подумала над словами. А ведь я еще до академии знала, что ракшасы помешаны на сексе, но Одира воспринимала иначе. Но это его природа! Он и гладит меня сейчас совсем не потому, что об этом яростно мечтал. Уточнила осторожно:

– Может, мне тогда на другой конец комнаты отойти? Или наоборот, стоять так?

– Да, лучше так, – он наклонился к самому уху. – Не шевелись и не сопротивляйся, тогда я ничего с тобой не сделаю.

– Постараюсь, – у меня даже голос сбился. – Ты только помоги.

– Я думаю.

И притом его рука спустилась еще ниже и почти до боли сжала ягодицу. Теперь я даже дышать не осмеливалась. Убеждала себя, что Одир делает именно так, как ему будет лучше справиться с эмоциями. Конечно, физически он настолько сильнее, что может и изнасиловать, и на куски разорвать. Чтобы потом изнасиловать каждый кусок по отдельности. Но после этого его ждет не академия, а тюремный квадрат. Одир не идиот, поэтому делает то, что должен. И он оправдал мои надежды, когда начал монотонно рассуждать:

– Дая, это нелегальная организация. Серьезная сеть. Возможно, они случайно получили твое удостоверение. Потому что остальные курсанты обычно вшивают настолько важные документы в одежду – запросто не вытащишь.

– Мне о моей халатности уже раз тридцать сказали, – призналась я шепотом. – И в личное дело занесли с лишением баллов. Так что переходи к важному.

– Нет-нет, подожди, я сейчас говорю о другом. Предположим, какой-то перевертыш случайно получил твое удостоверение, и тогда они уже на ходу придумали этот план. Но, насколько мне известно, серьезные сети никогда не работают наобум. У тебя не взяли видеослайдер, не тронули ничего из сумочки Триш. Как будто точно знали, что и у кого нужно украсть.

Я вновь испытала прилив страха и уточнила:

– Хочешь сказать, что выслеживали именно меня? Заранее?!

– Хочу. Сказать, в смысле. И не кричи, умоляю. Все-таки лучше лечь.

Оборотень схватил меня за талию, без усилия поднял и бросил на кровать. Предупредил, хотя спокойствия не прибавил:

– Все. Не шевелись. Я ничего тебе не сделаю.

И навис надо мной, начав ритмично покачиваться. Однако меня притом даже не касался. Ракшас типичный, прямо как в учебнике. Если я правильно помню, то в данный момент он пребывает в ясном уме и пока не перешел границы. Сжалась, но постаралась вообще не двигаться. Медленно выдохнула. Одир уловил, как изменилось мое напряжение:

– Вот. Сейчас идеально. Но все же лучше не стони.

Я и не собиралась. Или если только совсем тихонечко, внутри. А его голос звучал спокойно и рассудительно:

– Итак, давай исходить из того, что выслеживали именно тебя. Вероятность этого больше. Значит, незадолго до кражи какой-то из оборотней должен был оказаться рядом.

– Берсерк! – вспомнила я. – В клубе до нас с Триш докопался какой-то берсерк.

Но Одир сразу опроверг:

– Берсерки слишком прямолинейны. Их перевертыши обычно нанимают только для силовой защиты, а уж никак не для разведывания обстановки. Хитрыми манипуляциями они занимаются сами. Еще варианты есть?

Я поразмыслила и выдала честно:

– Понятия не имею. Я знакомилась в клубе со многими, но не продолжала общение. А теперь любого подозреваю. Даже на месте Триш может оказаться перевертыш! Если я им нужна для каких-то планов, то легче всего меня контролировать через нее.

– Не исключено, – ракшас чуть наклонился к шее, не прекращая плавных покачиваний, но кожи так и не коснулся. Потом посмотрел на лицо. Трезвый взгляд доказывал, что его наша странная поза и почти интимные движения без физического контакта не заводят, а действительно помогают соображать лучше. И каждый мой вывод он всерьез обдумывал: – Кстати, да. Перевертыш может принять облик Триш. Или любого другого человека из твоего близкого окружения.

Как раз эта мысль меня больше всего и изводила, в чем я и призналась:

– Я... я не могу подозревать всех, Одир. Я с ума сойду от паранойи! Да и к тебе пришла только потому, что перевертыши не могут повторить образ ракшаса, хоть что-то полезное мы успели изучить. Люди ваш вид воспринимают как просто приятный для человеческого взгляда, потому что сложно уловить и описать воздействие на гормональный фон, но вблизи сразу станет заметен диссонанс.

Он, так и продолжая нависать надо мной, беспечно пожал плечами.

– Ну вот, то есть спокойно исключай ракшасов.

Мягко говоря, это не очень-то успокаивало. Я скривилась.

– Ясно. Круг подозреваемых снизился не слишком заметно. Из моего окружения ровно на одну персону.

Тем не менее Одир вовсе не закончил наш странный мозговой штурм, продолжая подкидывать правильные вопросы:

– Кто к тебе ближе остальных, Дая?

– Только Триш. Ну, быть может, еще Эрк, – подумав, добавила я и это имя.

– Эрк Кири?

Пришлось нехотя признать:

– Ну... Хотя нет, близкими друзьями нас не назовешь. Просто немного общались в последнее время.

Но ракшас меня успокоил:

– Нет, Эрк Кири исключен. Он шестикурсник, да еще после ряда боевых заданий. Перевертыш к нему и близко не подошел бы. А перевертыш может принять чей-то образ только после прикосновения.

– Почему не подошел бы? – заинтересовалась я.

Ракшас терпеливо объяснил, будто бы сейчас стал профессором, ведущим лекцию:

– На шестом курсе уже почти у всех есть эта способность – безошибочно отличать оборотней от людей, если посмотреть вблизи. А поскольку Эрк Кири лидирует в балльном рейтинге, он точно от программы не отстает. У меня эта способность, естественно, врожденная.

Я старалась абстрагироваться от отвлекающих покачиваний сверху и сосредоточиться на следующей мысли:

– Если так, то почему охрана не вычислила перевертыша?

– Выходит, что твой дружок хорошо знает, кто может его узнать, и обходит их стороной. Если перевертыш просто шныряет по коридорам или сидит в аудитории с первым курсом, то он в полной безопасности.

Со всей внимательностью ловя каждое его слово, я пыталась не отставать от логичных рассуждений:

– Ладно, допустим. Но ты хотя бы можешь помочь. Если рядом со мной вместо Триш окажется кто-то другой, то только ты можешь сыграть роль детектора.

– Могу. По крайней мере теперь буду присматриваться и сообщу, если замечу постороннего с ее лицом, – пообещал оборотень.

Вот, это ведь уже грандиозная помощь! Не зря я к нему обратилась.

– Спасибо, – выдохнула благодарно. Однако прозвучало очень похоже на стон. Одир довольно улыбнулся, а потом не стал себя сдерживать и облизнулся. Я снова замерла. Надо лучше контролировать свои реакции! Поэтому собралась и затронула другую тему, никак не связанную с основной проблемой, но на которую очень сильно нынешнее настроение наталкивало: – Одир, а бывают ли такие оборотни, у которых глаза как у крокодилов?

– Что такое «крокодилов»? – Он даже замер.

– Неважно, – я сама рассмеялась своим мыслям. Еще сны осталось сюда впутать, чтобы я потом и при поддержке ар-

мии ракшасов уже не распуталась.

Одир подвел итог:

– Тогда пока больше никаких идей. Теперь следует внимательно смотреть по сторонам. Я помогу, но при одном условии.

Сразу стало понятно, что конкретно он потребует. Ракшас же! И вот как раз в такой позе почему-то я не была уверена, что откажусь именно громко и с пощечиной. Поэтому поспешила заявить, пока сама не засомневалась:

– Нет, спать с тобой я не буду!

– Да я не о том, – оборотень явно удивился. – Мне до дерьяка надоело быть в изоляции, а здесь целая преступная сеть вырисовывается. Что бы ни случилось дальше, я хочу быть в курсе. Это мое условие.

– А-а, – растерянно протянула я. – Конечно! Мне в любом случае не помешает союзник. Даже если я в итоге окажусь в тюремном квадрате, буду утешаться тем, что на моей стороне хоть кто-то играл.

– Договорились. А теперь уходи.

Он уже через секунду стоял в двух метрах от кровати, позволяя мне подняться самой. Я поправила одежду и пошла к выходу, чувствуя, как волна странного наваждения отпускает – быстро и основательно, будто и не было вовсе. Но остановилась перед ним и, протянув руку, коснулась кончиками пальцев плеча парня. И мгновенно почувствовала трепет – какая-то реакция моей гормональной системы на его флюи-

ды. Отклик хоть и слабый, почти фоновый, но его ни с чем не перепутаешь. Необязательно даже притрагиваться, достаточно просто вдохнуть и почувствовать. Да, Одира я точно смогу распознать в любом случае.

* * *

Выйдя в коридор, я с облегчением улыбнулась. Дышать намного легче, когда есть хоть какая-то поддержка. Теперь появилась смелость и подруге обо всем рассказать – конечно, только после того, как Одир подтвердит, что Триш – по-прежнему Триш. Еще я теперь гораздо лучше относилась к оборотню-одногруппнику. Ну и пусть немного извращенец – у всех свои недостатки!

Вылетела на лестницу и обмерла. Опершись плечом на стену и сложив на груди руки, там стоял Эрк. Он совершенно точно караулил меня, отчего я потеряла дар речи. Но Эрк не дождался моей реплики и сам начал отвечать на незаданные вопросы:

– Да, мне стало интересно. Я все думал, а вдруг твоя симпатия была искренней? Вдруг ты – каким-то невероятным образом – не знала о моем отце? Красивая, самоуверенная девчонка, которая не должна страдать от недостатка внимания, и ей понравился, искренне понравился именно я. И такое ведь могло произойти. Но сегодня выяснилось, что она бежит к ракшасу в комнату. Только идиот не догадался бы

зачем. Так что случилось, Дая? Ты с самого начала не испытывала ко мне симпатию, или за прошедшие месяцы все закончилось?

От произнесенного обвинения я окончательно впала в ступор. Эрк почти признался, что я его заинтересовала. Ну, по меньшей мере, заинтересовала настолько, чтобы захотеть узнать, не сплю ли я с кем-нибудь. И ведь логично звучит и выглядит так же. А зачем еще тайком бегать к ракшасу, а потом выходить от него с довольной улыбкой на лице, с растрепанными волосами, которые служат исчерпывающим доказательством? Как неприятно! Пусть я об Эрке уже давно и не мечтала – старалась не мечтать, но сейчас ощутила себя втоптанной в грязь несправедливостью.

Подошла ближе и выдавила:

– Эрк, я должна тебе кое-что рассказать. Это очень серьезно, и ты сразу все поймешь.

– Ну, рассказывай, – он недоверчиво ухмыльнулся.

– Не здесь. Пойдем на улицу, сегодня тепло. Разговор может получиться долгим.

– Пойдем. – Шестикурсник первым направился по лестнице вниз.

– Нет, подожди! – остановила порывисто. Вообще-то, я видела, как Эрк уходил с друзьями, но вернулся – только из-за любопытства к моему поведению. Так вернулся ли? Одир думает, что к Кири перевертыш не подобрался бы, но ракшас не может быть уверенным на сто процентов. Лучше убе-

диться. Потому я и начала говорить, не побоявшись выглядеть в его глазах сумасшедшей: – Эрк, я спрошу тебя кое о чем. Просто ответь, а потом я тебе все объясню.

– Так пойдем, на улице и спросишь. – Он встал вполоборота и недоуменно глянул на меня.

– Нет, – уверенно повторила я. – Сначала ответь, а потом пойду. Если я закричу здесь, то Одир услышит. Может, спасти и не успеет, но хотя бы будет знать...

Эрк теперь смотрел с нескрываемым удивлением, даже его глаза расширились.

– Спасти? От меня? Что происходит?

Я не обращала внимания на его любопытство. Надо спросить о том, чего перевертыш знать не может. Лучше что-то совсем личное, но ведь я и сама о личном Эрка почти ничего не знала. Потому озвучила то, что первым пришло на ум:

– На прошлой неделе я была в твоём квадрате. Какого цвета стены в той комнате, где я ночевала?

Эрк нахмурился и после паузы предположил:

– Зеленые вроде... Зеленые? Или серые?

Меня его неуверенность испугала. Безусловно, любой человек сможет вспомнить цвет каждого закутка в своём квадрате, но, быть может, не тогда, когда квадрат огромен, а ты не придаешь значения таким мелочам? И тем не менее я спонтанно отступила на шаг назад. И даже голос начал подводить, но я заставляла себя говорить уверенно:

– Эрк, тебе когда-нибудь снились кошмары?

– Да. Я ведь говорил уже. Не думал, что это признание вызовет такой пристальный интерес. Кстати, а ты к психологу заглянула?

С нескрываемым облегчением я выдохнула. Это точно он, оборотни не могли присутствовать при нашем разговоре. Улыбнулась и побежала вниз:

– Идем на улицу!

Эрк, к счастью, не отставал – теперь я видела в нем больше интереса, чем предыдущего негатива. Значит, я совершенно правильно обескуражила его своими несуразными вопросами. Остановились мы подальше от корпусов, оккупировали изящную скамейку – здесь нам не должны помешать случайные прохожие. И выдала все честно – второй раз открывать историю намного проще. Кири задумчиво качал головой, уставившись в землю. Ну, хоть не набрасывался, как ракшас, чтобы лучше соображать! Хотя я вовсе не была бы против, если бы Эрк на меня набросился...

– Так, – он теперь говорил тихо, сухо, но уверенно: – Непривычная мысль, но скажу – оборотню Вейру можно доверять. Его на профпригодность проверяли в десять раз жестче, чем любого человека. Он, конечно, как и все ракшасы, немного двинут на одной теме, но определенно не опасен – не станет принуждать к близости против воли. И его помощь может оказаться бесценной, он определит перевертыша с большого расстояния, чем я.

Вот и почему я сразу молчала? Так долго сходила с ума,

чуть до нервного срыва себя не довела! Два человека теперь в курсе – и легче на душе стало в два раза. Угроза и неопределенность до сих пор висели над моей головой, но с такой поддержкой можно справиться!

– Кстати, – сразу вставила я. – А как ты отличаешь перевертышей? Может, я смогу научиться?

Эрк так и не смотрел на меня, пребывая в задумчивости. Он перечислял зацепки, потирая пальцами подбородок:

– Если перевертышу придется быстро менять облик, то он трансформируется вместе с одеждой. На вид не отличишь, но на ощупь можно понять – выглядит, например, мягкой тканью, а коснешься – обычная кожа.

– А, то есть можно определить по одежде? – обрадовалась я хоть какому-то прорыву.

– Можно, но надо притронуться. Наверняка такой возможности он тебе попросту не даст. И если перевертыш переделся, то даже это не поможет, – тотчас омрачил он мое настроение.

Мне очень не хотелось сдаваться. Раз шестикурсников как-то учат, то способ есть! Я подтолкнула к продолжению:

– Ладно. Тогда какие более точные ориентиры?

– Они есть – уже безусловные. Перевертыш, если он только не в настоящем обликии, не воспроизводит физиологию детально. – Эрк повернулся ко мне и неожиданно коснулся пальцем шеи. – Вот тут жилка – она бьется едва заметно. Можешь сама прижать, почувствуешь. Перевертыш не изоб-

разит настолько мелкие реакции организма.

Я опешила:

– Но как это различить на глаз?!

– Очень сложно. Этому курсанты учатся несколько лет, и то не все в итоге умеют. Я могу, но мне все равно надо посмотреть на перевертыша вблизи. Если он просто прошмыгнет мимо, то я не замечу.

Без какой-либо тайной подоплеки я взялась за рукав его свитера, потеревила в пальцах, а потом коснулась рукой его шеи – и то не сразу нащупала нужное место! Пришлось чуть надавить и сместить. Но как это уловить с расстояния, ума не приложу.

– Получается, что у меня нет шанса, – признала обреченно.

– Да, почти нет. Но зато работает и в обратную сторону – если кто-то заметно потеет, краснеет или пахнет естественными запахами, то будь уверена, что это не перевертыш. Хотя бы так.

– Хотя бы так... – отозвалась я эхом. – Отныне буду общаться только с потными вонючками. Меньше, меньше гигиенических процедур.

Эрк усмехнулся, но с мысли не сбился:

– Итак, я согласен с Вейром по основным выводам. Это преступная сеть, а не одиночка. Они вряд ли хотят тебя подставить, но могут и попасться случайно. И именно ты их заинтересовала сразу. Как бы глупо ни было, но очень мно-

гие первокурсники носят удостоверения в поясных сумках, а в тот вечер ты даже не была пьяна. Рядом с выходом было столько накачанных психотропами курсантов, что перевертыш мог собрать пару десятков удостоверений... Но как будто не это было главной целью, а получить именно твое. Возможно, за тобой наблюдали раньше, считывали особенности поведения, манеру речи и прочее, чтобы твой образ не вызвал сомнений даже у самых близких друзей.

– Одир примерно то же самое сказал, – заметила я. – Но даже если и наблюдали, я этого не заметила.

– Никаких странных эпизодов? Что-то до кражи, возможно, за пару-тройку недель.

За две недели до происшествия из странного со мной случались только сны. Я и Одиру про них не решилась рассказать, а уж Эрку тем более не смогу. Как-то странно описывать парню, который мне очень нравится, другого парня, от которого по ночам мне рвет крышу. Но задала тот же глупый вопрос:

– Эрк, а бывают оборотни с глазами крокодила?

Он вынул из кармана видеослайдер, набрал в поисковике название древнего животного. Увеличил, присмотрелся. Потом пожал плечами.

– Возможно, немного похожи глаза сару. Но сару ты и безо всяких глаз ни с кем не перепутаешь – они больше рептилоиды, чем гуманоиды.

Кивнула. Я и сама по картинкам знала, как выглядят са-

ру – безобразные, покрытые толстой кожей серо-зеленого оттенка. И пусть у них тоже две руки и две ноги, но уроды те еще. Ассоциации с ними даже не возникло, хотя ведь точно – у сару янтарные глаза с вертикальным зрачком. Но все остальное настолько сильно противоречило внешности моего безымянного ночного гостя, что я и сейчас не смогла провести достаточно аналогий. Просто закончила всем известным фактом:

– И сару нет на Земле Первой. К нашему общему счастью, твой отец и другие герои избавили нас от этих чудовищ.

Эрк согласился:

– Нигде в населенных людьми местах нет. Сару настолько сильно выделяются из прочих, что у них сразу не было шансов на адаптацию. Самые хитрые, умные и изворотливые оборотни – как хорошо, что их внешность устрашающая, ни под кого не зашифруются. Единственный вид, с которым даже не пытались договориться. Но они тесно сотрудничают с нелегальными оборотнями: переправляют психотропы перевертышей по всей Освоенной Территории, воруют людей для извращений ракшасов, нанимают берсерков для грабежей. Отец говорит, что когда мы вычистим этих тварей во всей галактике, то остальные виды постепенно ассимилируются.

Я тяжело вздохнула:

– Но за меня взялись именно перевертыши.

– Да. И нам не помешала бы помощь других оборотней. Даже твой Одир – это уже преимущество.

Он сказал «нам» и «твой Одир» – я не стала заикливаться ни на приятной первой оговорке, ни на двусмысленной второй. Эрк тем временем продолжал:

– В полицию идти можно. Но ты права в своих опасениях. Если мы явимся в полицейский квадрат, притащив виновного, то ты окажешься в полной безопасности – не настолько уж наши силовики несправедливы, как ты считаешь. Они поддерживают порядок. Приведи преступника – получишь нашивку на рукав. Не приведешь преступника – и они достигнут порядка любым другим способом.

– То есть ты со мной? – осторожно поинтересовалась я о самом важном.

Он снова с улыбкой посмотрел на меня и спросил:

– А разве ты не для этого меня посвятила?

Вообще-то, просто хотела оправдаться, но настолько приятный бонус к моим оправданиям не мог не радовать. Два союзника, среди которых лучший в рейтинге шестикурсник, – это уже намного лучше, чем было еще пару часов назад. Эрк продолжил недавно начатую мысль:

– Кого еще можно втянуть? В академии сейчас что-то около сотни оборотней, но среди них есть и перевертыши. Я бы с последними не связывался, но другие могут быть полезны точно так же, как Одир. На первом курсе учится берсерк, если не ошибаюсь. Ты с ним как, общаешься? Ну, раз уж ты такая большая любительница легальных оборотней.

– Берсерк?! – я поморщилась.

– А вот это ты зря. Берсерков много среди выпускников. Они, конечно, ребята агрессивные, но с ними проще всего работать. Только берсерки из всех оборотней не скрывают настоящих желаний. Бесишь – скажут. Сильно бесишь – в морду дадут. Но без желания затащить тебя в постель и не притворяясь никем другим, кроме машины для убийств. И берсерки совершенно точно почуют перевертыша.

Я подумала и произнесла неуверенно:

– Все же мы с тобой ни с кем из них не дружим близко... Я бы предпочла не втягивать малознакомых.

– Понял. Верно. Попробуем разобраться сами, а уже если не сможем, то подтянем резервные силы. Я сделаю все возможное, чтобы ты выкрутилась, – пообещал мне лучший парень на Земле Первой.

Если не считать тех, кто только снится.

Глава 5

Конечно, засыпала я с улыбкой на лице. Триш вернулась очень поздно и, похоже, была под сильным хмельком – она даже в ванной громко пела. Утром выпрошу у нее подробности и изображу, как расстроена, что не присоединилась к веселью. С удовольствием снова погрузилась в сон.

– Ты решила всех посвятить в нашу маленькую тайну, любимая?

Его тон сегодня звучал иначе – как будто холоднее. Я обернулась, посмотрела с обожанием на идеальное лицо, шагнула ближе, чтобы сразу обнять и уткнуться носом в его шею.

– О чем ты, любимый?

– Дая, я даже злиться на тебя не могу. – Он обнял в ответ, прижал к себе с силой, вынуждая подняться на цыпочки и ощутить прилив привычного желания. – Любимая моя, хорошая. Но ты зря беспокоишься, я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Не понимаю... Ты говоришь о перевертышах? – вопрос возник сам собой, будто отголоски минувшего дня просочились в сновидение.

Хотела заглянуть в его глаза, но неконтролируемо тут же потянулась к губам. Почему он никогда меня не целует, если я уже давно готова на все, не только на это? Но он отстра-

нился немного и ласково улыбнулся.

– Нетерпеливая. Сводишь с ума своим нетерпением.

– А ты терпелив?

Засмеялся – невероятно красивый, весь, от белоснежных волос до каждого сантиметра кожи, а когда смеется, то я готова в голос рыдать от отчаяния – не хочу расставаться, хочу смотреть на него вечно. Он произнес задумчиво:

– В последнее время думаю, что у меня самоконтроль древнего камня. Но когда-нибудь меня сорвет – в ответ на твое нетерпение. Кажется, пора прекращать наши свидания.

– Прекращать? – я не могла поверить, что такая гнусность произнесена самым любимым голосом.

– Только на время, любимая. Потерпи еще немного. Поверь, я скучаю по тебе сильнее, чем ты по мне.

И до того, как я успела возразить, проснулась. Вытерла со лба испарину. Триш уже спала на своей кровати. Я перевернулась на спину и долго-долго разглядывала темный потолок. Минут через двадцать успокоилась. Скучаю ли я по парню из снов? Да он мне даром не сдался, пока я бодрствую! Больше не придет? Это что же, я теперь смогу нормально выспаться? Или обещаниям подсознания нельзя верить – мало ли, что там приснится? Точно, он был собирательным образом – глаза, очень похожие на глаза сару, какие я видела в учебниках, черты лица и фигура – средний вариант от всех видеоактеров, в которых я когда-то была влюблена и грезилась о них еще совсем юной девочкой. А вот белые волосы шли

вразрез – я всегда предпочитала брюнетов. Как Эрк... Да, Эрк уж точно полностью в моем вкусе. Улыбнулась, вспоминая вечерний разговор. Сегодня я даже не мучилась привычной долгой бессонницей и почти сразу уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.